

Николаев Г.А. Историко-сопоставительное изучение славянского словообразования // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: Материалы региональной конференции / Г.А.Николаев.– Чебоксары, 2000.– С. 8-18.

Развитие типологического языкознания выдвинуло в число актуальных проблемы историко-сопоставительных исследований. Историко-сопоставительное изучение близкородственных языков основывается на неодинаковых темпах развития одинаковых языковых процессов, результаты которых зафиксированы в синхроническом состоянии сопоставляемых языков, учитывает результаты сравнительно-исторических исследований и является фактически продолжением последних на историческом (письменном) этапе развития этих языков.

Особенно применима историко-сопоставительная методика в исследованиях по словообразованию, так как в этой языковой сфере ученые имеют дело с явлениями процессуального характера, развертывающимися во времени. Словообразование славянских языков в сопоставительном аспекте только начинает изучаться специалистами, причем изучается оно в основном с чисто синхронических позиций. В 1984 году в АН СССР прошел международный симпозиум, посвященный этой проблеме. В 1987 году по материалам симпозиума была выпущена книга **"Сопоставительное изучение словообразования славянских языков"**. Определенные заслуги в развертывании историко-сопоставительных исследований имеют языковеды Казанского университета. Так, проблемы историко-сопоставительного словообразования славянских языков затрагивались в монографии Н.Е.Маркарьян и Г.А.Николаева **"Сопоставительное словообразование и формобразование русского и польского языков: Имя существительное"** (Казань, 1990). Казанским лингвистам принадлежит и ряд статей, опубликованных в стране и за рубежом, в которых рассматриваются и другие проблемы историко-сопоставительного изучения славянских языков [1]. В более широком плане вопросы историко-сопоставительного славянского языкознания, в частности вопросы словообразования освещены в монографии Украинской Академии наук **"Историческая типология славянских языков"** (Киев, 1986).

Одним из основополагающих выводов, к которому пришли ученые, занимавшиеся славянским словообразованием и с синхронических, и с диахронических позиций, можно считать заключение о чрезвычайной близости всех славянских языков именно в их словообразовательных системах [2]. К общеславянским словообразовательным универсалиям относятся: одинаковые способы словопроизводства (морфемный и семантический), одинаковые разновидности морфологического способа (префиксация, суффиксация, конфиксация), более или менее одинаковые словообразовательные средства, в том числе – нулевые морфемы, наличие продуктивных аффиксоидных типов словопроизводства, типов сложения и сращения слов и т.д.

Историко-сопоставительный подход к фактам славянского словообразования обнаруживает и более глубинные идентичные процессы в славянских языках: взаимодействие словообразования и формобразования, взаимодействие морфологического и семантического способов словообразования, формирование на базе этого взаимодействия феномена словообразовательной омонимии, развитие словообразовательной синонимии и антонимии в системе славянских словообразовательных типов, направленное развитие глагольно-именных и субстантивно-адъективных словообразовательных отношений, формирование на этой базе взаимной и обратной мотивированности производных единиц, развертывание параллельных процессов в изоморфных системах слово- и формобразования и т.д. [3].

Одной из центральных проблем историко-сопоставительного словообразования славянских языков является проблема соотношения в их словообразовательных системах исконных и инославянских (и прежде всего старославянских) категорий. Так, например, польское влияние на русское словообразование, помимо заимствования русским языком польского суффикса **-unek** вместе со словом *rysunek* (русское – рисунок), а также нескольких слов с суффиксом **-osc** (**-ость**) типа *wiadomosc* (ведомость), проявилось в трансляции в русскую словообразовательную систему ряда словообразовательных типов из немецкого языка, в частности глаголов на **-овать/-ировать** через польские вербальные формы с суффиксом **-owac** немецких производных глаголов на **-ieren** типа организовать < *organizowac* < *organisieren*, реформировать < *reformowac* < *reformieren* и т.п., а также субстантивов с суффиксом **-(а)ция** через польские формы на **-(а)cja** немецких существительных на **-tion**: революция < *rewolucja* < *Revolution* и т.п. Известно влияние русского языка на словообразовательные системы других славянских языков при формировании и развитии в них имен с суффиксами **-ка (-ка)** и **-щик** [4], о чем речь пойдет ниже.

Что касается соотношения исконных и старославянских форм словопроизводства, то в разных славянских языках оно будет разным. Наибольшее влияние старославянского языка исторически засвидетельствовано в восточно- и южнославянских языках. Возникает, однако, вопрос: в связи со значительной близостью славянских языков именно в плане словообразования уместно ли говорить о так называемых старославянских суффиксах, о их заимствовании разными славянскими языками? Если ответить на этот вопрос утвердительно, то сразу же возникает очередной (поднятый в свое время Н.М.Шанским [5]): почему при близости славянских языков друг другу, особенно в плане словообразования, в системе старославянского языка, а следовательно, и тех диалектов, которые легли в его основу, имелись такие суффиксы, которых не было в системах других славянских языков и диалектов? Если дать на первый вопрос отрицательный ответ, все равно возникнет новый вопрос: почему же при общеславянском характере этих суффиксов образования с ними встречаются исключительно (или в основном) в книжных текстах, напи-санных на церковнославянском языке?

При ответе на эти вопросы необходимо учитывать специфику старославянского языка, характеризующегося рядом особенностей: во-первых, это первый литературно-письменный славянский язык, сформированный на южнославянской диалектной основе; во-вторых, он в значительной степени скалькирован с греко-византийского языка как язык переводов богослужебных книг; в-третьих, он, безусловно, несет на себе личностно-языковые особенности славянских первоучителей Константина и Мефодия, фактически давших славянам письменный язык именно в таком виде.

В связи с последней мыслью необходимо подчеркнуть, что открытия и "изобретения" в гуманитарных науках и соответствующих областях жизни, в отличие от открытий и изобретений в естественнонаучной сфере, несут личностный характер своего автора. Такова, например, **"Российская грамматика"** М.В.Ломоносова или его система русского стихосложения. Если бы в России утвердилась не ломоносовская, а, скажем, сумароковская версификационная система, то русская поэзия имела бы другой вид. Можно предположить, что и первый славянский литературно-письменный язык и славянская азбука имели бы другой вид, если бы их создавали не Константин и Мефодий.

Из сказанного следует, что регулярные словообразовательные модели, отраженные в языке старославянских текстов и взятые первыми переводчиками Священного Писания, безусловно, из живого славянского языка, получили в тексте переводов особое распространение для передачи прежде всего отвлеченных понятий, чему в немалой степени способствовал составной характер

соответствующих аффиксальных частей состоящих из двух или более близкозначных аффиксов (-**ньје** = **n** + **ьје**, -**тьје** = **t** + **ьје**, -**ость** = -**ot(a)** + **ть** и т.д.), дающих возможность более определенно передавать отвлеченные значения по сравнению с простыми аффиксальными средствами (например, суффиксами -**ьба**, -**ть**, -**ель**, -**нь** и т.п.). Образования с последними тоже присутствуют в старославянских текстах, но в значительно меньшем количестве, чем с суффиксами -**ньје**, -**ость** и др.

Эти словообразовательные модели были более удобны и при калькировании с греческих образцов, к чему первым славянским переводчикам приходилось прибегать довольно часто из-за отсутствия необходимой лексики в славянских языках для передачи философских понятий творений греческих богословов. А это увеличивало регулярность соответствующих производных образований. Происходила специализация данных словообразовательных моделей и терминологизация их производных, закреплявшие эту лексику за определенным типом текстов. Во всем этом тесно переплетались объективный (языковой и содержательный) и субъективный (нормативный, культурно-языковой) факторы формирования и функционирования первого письменного языка славян.

Это хорошо видно на примере имен на -**ьstvo** и -**ьstvьје**, встреченных в памятниках старославянского (церковнославянского) языка. Так, дошедшие до нас древние евангельские тексты можно четко разделить на те, которые отдают предпочтение именам на -**ьstvo**, и те, в которых преобладают образования на -**ьstvьје** в одних и тех же главах и стихах. Например, в Зографском и Остромировом Евангелиях встречается по 10 слов с суффиксом -**ьstvьје**, в то время как Ассеманиево и Архангельское Евангелия более склонны к употреблению имен на -**ьstvo**. Перед нами не диалектные различия и не семантические или жанрово-стилистические разграничения: это различия школы, эстетико-языковых представлений и т.п.

Таким образом, словообразовательные модели имен существительных с суффиксами -**ньје**, -**тьје**, -**ость**, -**ьstvo**, -**ьstvьје**, -**тель** [6] и др., имеющие общеславянский характер и присущие живым славянским языкам, оказались связанными с определенным типом текстов, с определенным содержанием, стали принадлежностью этих текстов, получили жанрово-стилистическую прикрепленность. А поскольку эти тексты создавались впервые именно на старославянском языке, эти словообразовательные модели оказались "связанными" через тип текста со старославянским языком и в дальнейшем распространялись как бы под его влиянием в конкретных славянских языках.

Когда мы говорим о том, что эти суффиксы были в живых диалектах славянских языков, мы не утверждаем, что слова с данными суффиксами регулярно использовались в этих языках. Достаточно вспомнить о поведении соответствующих слов в современных разговорных славянских языках: в них они встречаются весьма редко и опять-таки в текстах определенной содержательной направленности. Чаще всего это заимствования из литературного языка. Скорее всего следует говорить об общеславянских предпосылках возникновения и функционирования соответствующих словообразовательных моделей. Реализация же этих предпосылок проявилась в первом литературно-письменном славянском языке, где эти словообразовательные типы (модели, средства) оказались востребованными.

Существует мнение, что активизации именно этих словообразовательных категорий в литературном языке способствовала семантическая диффузность, синкретизм, а также большая семантическая конкретность древнеславянских языков. Возможно, некоторые модели были созданы непосредственно в старославянском языке. Это относится в первую очередь к суффиксу -**ьstvьје**, который специалисты квалифицируют не просто как старославянский суффикс, но как суффикс моравской литературно-письменной школы [7]. Из текстов, переведенных или созданных

представителями этой школы, он пошел в другие славянские литературные языки, в частности, в чешский, русский и т.д. Таким образом, сказанное не исключает заимствований словообразовательных типов или средств из одного родственного (славянского) языка в другой. История суффикса **-ствие** яркое тому подтверждение.

Как ни парадоксально, но версию о заимствовании суффиксов из одних славянских языков в другие подтверждает русский суффикс **-щик**. По поводу появления этого суффикса в русском языке существуют две версии. Одна из них относит суффикс **-щик** к заимствованным из татарского языка. Другая считает, что суффикс **-щик** является результатом сложения двух славянских суффиксов: **-ьsk-** и **-икъ**, как и суффикс **-ьникъ** (**-ьп-** и **-икъ**). Первая версия сразу же отпадает, поскольку суффикс заимствуется только в составе слов и потом выделяется на базе словообразовательного усвоения заимствований. В нашем случае все первые слова на **-щик** были словами с русскими (а не тюркскими) основами: *даньщикъ*, *прикащикъ*, *доводъщик* и др.

Однако суффикс **-щикъ** имеет ряд неразгаданных пока загадок. Их можно сформулировать в виде вопросов: 1) почему, имея общеславянские предпосылки, суффикс **-щик** появился в русском языке; в другие славянские языки он, как считают специалисты, попал вместе с соответствующими русскими заимствованиями? 2) Почему он и в русском языке фиксируется только с середины XIII века? Если он возник поздно, то почему? 3) Почему он встречается вначале только в московской деловой письменности?

В свое время мы дали ответы на эти вопросы, связав востребованность суффикса **-щик** в русском языке с формированием третьего ("низкого") стиля литературно-письменного языка, наблюдавшимся еще в XIII веке и усилившимся в связи с вторым южнославянским влиянием, как когда-то в древности возникла необходимость в суффиксе **-ьstvъje** в связи с формированием высокого славянского слога первого литературно-письменного славянского языка. Формирующийся "низкий стиль" нуждался в языковом оформлении двух центральных семантических групп производных имен – имен со значением лица и действия. Если в высоком стиле эти имена оформлялись соответственно суффиксами **-тель** и **-ние**, в средне-литературном стиле – суффиксом **-никъ** и нулевым суффиксом, то в письменно-народном – суффиксами **-щикъ** и **-ка**. Потребность в "низком" стиле проявилась именно в русском языке, так как, пожалуй, ни один славянский литературный язык не испытывал такого значительного старославянского влияния, как русский, а потому ни в одном из них не появилось такой необходимости "уравновесить" славяно-книжное и народно-разговорное начала. Этим и можно объяснить востребованность суффиксов **-щик** и **-ка** именно в русском языке [8].

В дальнейшем судьба этих суффиксов оказалась разной: если вслед за русским языком словообразовательные системы других славянских языков реализовали те же общеславянские предпосылки для обозначения действия и активно приняли суффикс **-ка**, то для обозначения лица в разных языках были использованы другие словообразовательные средства (например, суффикс **-acz** в польском языке), а суффикс **-щикъ** заимствовался вместе с производными словами из русского языка, даже в другие восточнославянские языки (например, в украинский) и языки южнославянские. Так или иначе, на примере суффиксов – старославянского **-ьstvъje** и русского **-щикъ** – можно говорить о возможности заимствования суффиксов из одного славянского языка в другой при значительной близости их словообразовательных систем. Но всегда к этому вопросу нужно подходить с конкретно-исторических позиций, а не решать его импрессионистическим путем.

Мы рассмотрели некоторые проблемы изучения славянского словообразования в историко-сопоставительном аспекте. Конечно, поднятыми здесь вопросами не исчерпывается вся сфера славянского историко-сопоставительного

словообразования. Такой подход к славянскому словообразованию только пробивает себе путь в большую науку, но уже сейчас ясно, что в будущем историко-сопоставительные исследования в этой области займут достойное место в славистике.

Литература

1. См.: Николаев Г.А. О некоторых аспектах сопоставительного словообразования и формообразования русского и польского языков // *Przegląd rusycystyczny*. – Warszawa, 1984. – № 1-2. – S. 216-222; Его же. Об одной конфиксальной модели в славянских языках // *Русское, сравнительное и сопоставительное словообразование*. – Казань: Изд-во Казанск.ун-та, 1990.-- С. 127-131. Соавт.: О.А.Ерашова; Его же. Типология словообразовательной синонимии в русском и польском языках // *Beiträge zur Slavistik*. – Frankfurt am Main u.all.: Peter Lang, 1988. – Bd. X. – S. 259-268; Его же. Русский деловой текст в историко-сопоставительном аспекте // *Funktionsstil und Textsorte unter konfrontativem Aspekt (Konferenz am 7. und 8. November 1989)*. – Leipzig, 1990. – S. 59-67; Его же. Заметки по историко-сопоставительному изучению славянских языков // *Innerslavischer und slavisch-deutscher Sprachvergleich (Beiträge zur Slavistik. Bd. XXVII)*. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995. – S. 389-398; Его же. К вопросу исторической типологии славянских языков (на материале истории слов с общеславянской группой *tъrt) // *Acta Polono-Ruthenika*. – Olsztyn, 1996. – №. I. – S. 185-191.
2. См.: Лопатин В.В., Улуханов И.С. Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков // *Славянское языкознание: Доклады советской делегации (IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983)*. – М.: Наука, 1983. – С. 169.
3. См.: Николаев Г.А. О некоторых аспектах сопоставительного словообразования и формообразования русского и польского языков, с. 216.
4. См.: Романова Н.П. Словообразование и языковые связи: Русско-украинско-польские языковые связи XVI-XVII вв. и вопросы словообразования. – Київ: Наукова думка, 1985. С. 132; Gennadij Nikolaev. Studien zur historischen Wortbildung der russischen Sprache // *Beiträge zur Slavistik. Bd. XXI*. – Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 1994. – S. 194-200.
5. См.: Шанский Н.М. О происхождении и продуктивности суффикса -ость в русском языке // *Вопросы истории русского языка*. – М., 1959. – С. 116.
6. См.: Марков В.М. К вопросу о происхождении суффикса -тель в славянских языках // *Труды пятой зональной конференции кафедр русского языка вузов Западной Сибири*. – Новокузнецк, 1962.
7. См.: Лавров П.А. Георгий Амартол в издании В.М.Истрина // *Slavia*, 1925. – R.3. – S.3; Николаев Г.А. Заметки о языке старославянских памятников: Киевские глаголические листки // *Beiträge zur Slavistik. Bd. XXXVII*. – Frankfurt am Main, 1998. – S. 331.
8. См.: Николаев Г.А. Еще раз к вопросу о происхождении русского суффикса -щик // *Материалы Всероссийской научной конференции "Проблемы двуязычия в современных условиях": Краткое содержание докладов*. – Казань, 1994. – С. 61-63.